

Даже бог стремится к идеалу

Окончание. Начало на 1-й странице

Его встречали на улицах Вероны восхищенными возгласами: «Зорба!» — хотя белокурый славянин вовсе не походил на грека. Овация же после «Жизели» длилась столько, что занавес открывался 32 раза. Когда поставленный им на музыку аргентинских композиторов балет «Фрагменты одной биографии» был показан в театре «Колон» в Буэнос-Айресе, Васильев стал в Аргентине едва ли не национальным героем.

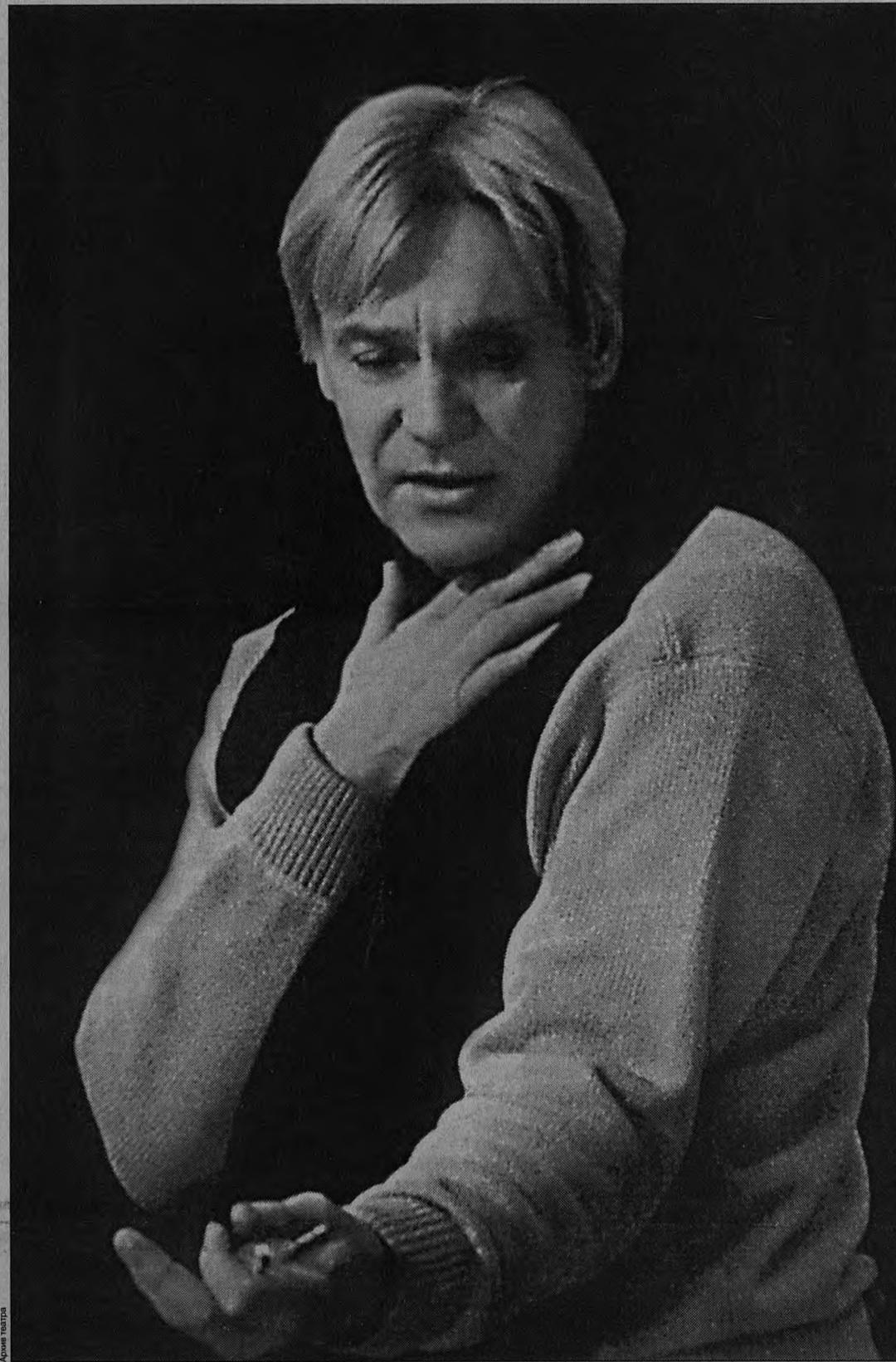
Искусство Васильева всегда вызывало страстный отклик в душах зрителей. Во времена советского застоя публика воодушевлялась еще и оттого, что она ощущала в его искусстве воздух свободы. Этим воздухом был проникнут не только героический и патетический «Спартак», но и фантастический, импрессионистский «Нарцисс» Голейзовского и трагический «Петрушка» Мориса Бежара.

Васильев выразил в балете свое время, его идеалы и тайные мечтания. Он великолепно чувствовал стиль каждого хореографа — органично принимал все открытия Юрия Григоровича («Спартак» и «Иван Грозный»), неповторимый почерк Михаила Фокина («Петрушка»), одержимость Касьяна Голейзовского («Лейли и Меджнун»), художественную плотность драматического балета Леонида Лавровского («Ромео и Джульетта»), акробатическую стройность композиций Тома Шиллинга («Матч»), откровенную чувственность и свободу Мориса Бежара («Ромео и Юлия»).

Во все свои партии он внес новые краски, настолько органичные и современные, что теперь редакция Васильева стала классической: во всем мире танцуют теперь Базилия из «Дон Кихота» или Альберта из «Жизели» «по Васильеву».

Страсти кипели

«Легенды с каждым годом раскрашиваются все ярче, — вспоминает артист. — Честно говоря, гроздьев, свешивающихся с ярусов в партер, я не помню. Но, конечно, помню овации. У людей существовали очень стойкие привязанности. Поклонники Лемешева, Козловского, Улановой, Плисецкой, Васильева, Максимовой... Причем порой поклонники Васильева и Максимовой конфликтовали. Страсти кипели».

Арина Тарасова

Танцовщик, достигший недостижимых высот в своем искусстве, Васильев всегда отличался творческой ненасытностью. В трудные годы затяжного конфликта с тогдашним руководством Большого театра, когда

группу инакомыслящих звезд отправили на пенсию, он не мог позволить себе оставаться в простое. Неблагоприятные годы вылились в интенсивную работу вне стен Большого. Васильев снял телефильм «Дом у

дороги», поставил как режиссер и хореограф фильм «Фуэте», где честно и даже жестоко рассказал о судьбе балетных артистов, сыграл роль Нижинского в Италии, ставил «Дон Кихота» в Американском балет-

Поклонники Васильева и Максимовой порой конфликтовали («Ромео и Джульетта»)

ном театре, свою оригинальную версию «Ромео и Джульетты» — в Музыкальном театре Станиславского и Немировича-Данченко, «Золушку», «Макбета» и «Дон Кихот» — с балетом Кремлевского дворца... Некоторое время даже исполнял обязанности директора балета Римской Оперы.

Когда после многих лет изгнания Васильев вернулся в Большой директором и художественным руководителем, он отнюдь не упивался победой: «Было ощущение, что справедливость еще только должна восторжествовать. Я верил, что преодолю людские недостатки. Полагал, что отдача артистов будет адекватна моей. Не получается. Наверное, должно пройти больше времени, чтобы Большой театр приблизился к идеалу, который видится мне. Люди с трудом отвыкают от стереотипов, согласно которым не может хороший танцовщик быть балетмейстером, а хороший артист — режиссером. Может быть, они и правы».

Конечно, Владимир Васильев изменился, заняв самый красивый кабинет в Большом театре. Например, перестал носить свитер, а перешел на элегантные костюмы и эффектные галстуки. В человеке все должно быть прекрасно... И, повинувшись эмоциональному импульсу, директор Большого театра пишет стихи и картины. Любимые темы последних — русские пейзажи.

Владимир Васильев остается образцом русского художника с типично русским характером. Поэтому, как бы восторженно ни принимали его во всем мире, он никогда не оставлял Россию. Феерическая карьера Нуреева и Барышникова — не его путь. Его уникальность еще и в том, что он по-ахматовски «там, где мой народ, к несчастью, был». Соотечественники смотрят на Большой театр, как на зеркало, в котором уже не первое столетие отражается история русского государства. На наше счастье, на его сцене, в зале и за кулисами то и дело вспыхивает золотым сиянием васильевская голова. Светлого, солнечного человека.